

Россия и Польша: советские обещания

Польский вопрос обсуждался не менее чем на семи или восьми пленарных заседаниях Ялтинской конференции. Находившееся под советским покровительством люблинское правительство Польши — или варшавское

правительство, как предпочитали его называть русские, — резко враждебно относилось к лондонскому польскому правительству. Со времени нашего октябрьского совещания в Москве отношения между ними не улучшились, а ухудшились.

Обсуждавшиеся вопросы можно суммировать следующим образом:

- Как сформировать единое временное правительство для Польши?
- Как и когда провести свободные выборы?
- Как решить вопрос о границах Польши на востоке и на западе?
- Как обеспечить безопасность тылов и коммуникаций наступающих советских армий?

Когда мы собрались на заседание 6 февраля, президент Рузвельт открыл дискуссию заявлением, что, будучи представителем Америки, он знаком с польским вопросом издавна. В Соединенных Штатах живут пять или шесть миллионов поляков, главным образом уже второго поколения, и большинство из них в целом поддерживает линию Керзона. Они знают, что им придется отказаться от Восточной Польши. Они хотели бы присоединения к Польше Восточной Пруссии и части Германии или, во всяком случае, какой-то компенсации. Как президент уже говорил в Тегеране, его положение было бы облегчено, если бы советское правительство пошло на некоторые уступки, передав Польше, например, Львов и некоторые из нефтеносных районов, чтобы возместить потерю Кенигсберга. Однако важнее всего вопрос о постоянном правительстве для Польши. Общественное мнение в США в общем выступает против признания люблинского правительства, потому что оно представляет лишь небольшую часть Польши и польского народа. Выдвигается требование о создании правительства национального единства, возможно, из представителей пяти основных политических партий. Президент поэтому выразил надежду на создание в Польше представительного правительства, которое получило бы поддержку значительного большинства поляков, даже если бы оно носило лишь временный характер. Существует много путей к его созданию, как, например, формирование небольшого президентского совета, который принял бы временную власть, а затем создал бы более постоянный орган.

Затем я сказал, что мой долг — изложить позицию правительства Его Величества. Я неоднократно заявлял в парламенте и в других публичных выступлениях о своей решимости поддержать притязания СССР на линию Керзона в толковании советского правительства. Это означало присоединение Львова к СССР. Я всегда считал, что это требование России основывается не на силе, а на праве, если учесть страдания, перенесенные Россией при защите своей территории от немцев, и ее великие подвиги при изгнании немцев и освобождении Польши. Однако если бы она сделала великодушный жест в отношении гораздо более слабой державы

и пошла на некоторые территориальные уступки вроде предложенных президентом, то мы были бы восхищены шагом Советского Союза и приветствовали бы его.

Однако создание сильной, свободной и независимой Польши — гораздо более важный вопрос, чем те или иные территориальные границы. Я хотел бы, чтобы поляки могли быть свободными и жить так, как им нравится. Я всегда слышал от маршала Сталина самые твердые заявления о поддержке этой цели, и именно потому, что я доверяю его заявлениям относительно суверенитета, независимости и свободы Польши, я считаю вопрос о границе менее важным. Вопрос о свободе Польши дорог всем англичанам и всему Содружеству наций.

В настоящее время имеются два правительства Польши, по поводу которых мы расходимся во мнениях. Я не видел никого из членов нынешнего лондонского правительства Польши. Мы признали их, но не поддерживаем с ними близких отношений. С другой стороны, Миколайчик, Ромер и Грабский — разумные и честные люди. С ними мы сохранили неофициальные, но дружественные отношения. Три великие державы подверглись бы критике, если бы они допустили видимость раскола из-за этих правительств-соперников в момент, когда нужно выполнять такие великие задачи и когда у трех держав есть такие общие надежды. Не могли бы мы создать правительственный орган для Польши в ожидании полных и свободных выборов — правительство, которое мы все могли бы признать? Подобное правительство могло бы подготовить свободное голосование польского народа по вопросу о будущей конституции и управлении. В таком случае мы сделали бы великий шаг вперед на пути к будущему миру и процветанию Центральной Европы.

* * *

После краткого перерыва выступил Сталин. Он сказал, что ему понятна точка зрения английского правительства: для Англии Польша — вопрос чести. Однако для России это вопрос как чести, так и безопасности. Это вопрос чести, потому что у русских было много конфликтов с поляками и советское правительство хочет устранить причины подобных столкновений. Это вопрос безопасности не только потому, что Польша граничит с Россией, но и потому, что на протяжении всей истории Польша служила коридором, через который проходили враги России для нападения на нее. За последние 30 лет немцы дважды прошли через Польшу. Они прошли потому, что Польша была слаба. Россия хочет видеть Польшу сильной и могущественной, с тем чтобы она сама своими силами могла запереть этот коридор. Россия не могла бы держать его закрытым извне. Коридор может быть закрыт только изнутри, самой Польшей, и именно поэтому Польша должна быть свободной, независимой и сильной. Это вопрос жизни и смерти для советского государства. Его политика значительно

отличается от политики царского правительства. Цари стремились подавить и ассимилировать Польшу. Советская Россия положила начало политике дружбы, причем дружбы с независимой Польшей. Это главная основа советской позиции, т. е. стремление видеть Польшу независимой, свободной и сильной.

Затем Сталин остановился на некоторых вопросах, поднятых Рузвельтом и мною. Президент, сказал он, предложил некоторое изменение линии Керзона и передачу Польше Львова и, возможно, некоторых других районов, а я заметил, что это было бы великодушным жестом. Однако, заявил Сталин, линия Керзона была изобретена не русскими. Она была намечена Керзоном, Клемансо и представителями Соединенных Штатов на конференции 1919 года, куда Россия не была приглашена. Линия Керзона была принята против воли России на основе этнографических данных. Ленин с ней не соглашался. Он не хотел передачи Польше города Белостока и прилегающей к нему области. Русские уже отступили от этой позиции Ленина, а теперь кое-кто хочет, чтобы Россия взяла себе меньше, чем соглашались ей дать Керзон и Клемансо. Это было бы постыдно. Приехав в Москву, украинцы сказали бы, что Сталин и Молотов — менее надежные защитники России, чем Керзон или Клемансо. Лучше продлить войну немного дольше, хотя это и будет стоить России много крови, с тем чтобы можно было компенсировать Польшу за счет Германии. Когда Миколайчик приезжал в Россию в октябре, он спрашивал, какую границу Польши на западе признает Россия. Он был очень рад, узнав, что, по мнению России, западная граница Польши должна быть отодвинута до Нейсе. Есть две реки под таким названием, сказал Сталин, одна близ Бреславля, а другая — дальше на запад. Он имел в виду Западную Нейсе и просил участников конференции поддержать его предложение.

* * *

Сталин затем указал, что мы не сможем создать польское правительство, если на это не согласятся сами поляки. Миколайчик и Грабский приезжали в Москву во время моего пребывания там. Они встретились с представителями люблинского правительства. Между ними была достигнута некоторая степень согласия, и Миколайчик уехал в Лондон, полагая, что он вернется. Вместо этого его коллеги просто сместили его, только потому что он выступал за соглашение с люблинским правительством. Польское правительство в Лондоне враждебно относится к самой идее люблинского правительства и называет его сборищем бандитов и преступников. Люблинское правительство платит им той же монетой, и теперь трудно что-либо сделать в этом вопросе.

Люблинское, или варшавское, правительство, как его теперь следует называть, не желает иметь ничего общего с лондонским правительством.

Его представители сообщили Сталину, что они готовы сотрудничать с генералом Желиговским и с Грабским, но что они не хотят слышать о назначении Миколайчика премьер-министром. «Поговорите с ними, если хотите, — сказал Сталин. — Я могу устроить встречу с ними здесь или в Москве, но они не менее демократичны, чем де Голль, они могут поддерживать мир в Польше и положить конец гражданской войне и нападениям на Красную Армию». Лондонское правительство на это неспособно. Его агенты убили 212 русских солдат; они связаны с польским подпольным движением Сопротивления, и они устраивали нападения на склады, чтобы захватить оружие. Их радиостанции не зарегистрированы и работают без разрешения. Агенты люблинского правительства оказывали помощь, а агенты лондонского правительства причинили много зла. Для Красной Армии жизненно важно иметь безопасный тыл, и, как человек военный, Сталин поддержит только такое правительство которое сможет гарантировать эту безопасность.

* * *

Было уже поздно, и президент предложил прервать заседание до следующего дня. Но я считал разумным заявить, что Соединенное Королевство и советское правительство пользуются различными источниками информации в Польше и получили разноречивые сообщения о том, что там произошло. По нашим сведениям, сказал я, не больше трети польского народа поддержало бы люблинское правительство, если бы поляки могли свободно высказать свое мнение. Такая оценка, конечно, основана на наилучшей информации, которую мы смогли получить. Возможно, что в некоторых деталях мы ошибаемся. Я заверил Сталина, что мы весьма опасаемся столкновения между польской подпольной армией и люблинским правительством. Мы опасаемся, что это может привести к озлоблению, кровопролитию, арестам и ссылкам. Вот почему мы столь настойчиво стремимся к согласованному решению. Мы боимся последствий всех этих противоречий для польского вопроса, который и без того достаточно сложен. Мы, конечно, признаем, что за нападения на Красную Армию необходимо наказывать. Однако сведения, имеющиеся в моем распоряжении, не позволяют мне поверить в право люблинского правительства утверждать, что оно представляет польскую нацию.

Президент теперь стремился закончить дискуссию. «Польша, — заметил он, — была источником неприятностей в течение более 500 лет». «Тем более, — ответил я, — нам нужно сделать все возможное, чтобы положить конец этим неприятностям». На этом заседание закончилось.

* * *

В тот же вечер президент после консультаций с нами направил Сталину письмо с нашими поправками, предлагая, чтобы два члена люблинского

правительства и два представителя из Лондона или из самой Польши приехали в Ялту и попробовали договориться в нашем присутствии о создании временного правительства, которое мы все могли бы признать и которое должно как можно скорее провести свободные выборы. Такой курс мне понравился, и я поддержал президента, когда мы собрались на заседание 7 февраля. Рузвельт снова подчеркнул то, что его беспокоило. Границы, сказал он, имеют важное значение. Однако мы вполне можем помочь полякам создать единое временное правительство или мы можем даже создать его сами, пока поляки не сумеют сформировать собственное правительство на основе свободных выборов. «Нам нужно предпринять что-то такое, — сказал он, — что явилось бы свежим дуновением в тумане, окружающем сейчас польский вопрос». Затем он спросил Сталина, не хочет ли он дополнить сказанное им накануне.

Сталин ответил, что он получил письмо президента только полтора часа назад и немедленно дал указания разыскать Берута и Моравского, с тем чтобы он мог связаться с ними по телефону. Он только что узнал, что один находится в Кракове, а другой — в Лодзи, и обещал узнать у них, как найти представителей лагеря оппозиции, так как их адреса ему неизвестны. На тот случай, если доставить их в Ялту будет невозможно, Молотов разработал несколько предложений, которые в известной степени идут навстречу рекомендациям президента.

Затем на сцену выступил Молотов, который зачитал следующее резюме:

«1. Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонениями от нее в некоторых районах на 5—6 километров в пользу Польши.

2. Считать, что западная граница Польши должна идти от гор. Штеттин (для поляков), далее на юг по реке Одер, а дальше по реке Нейсе (Западной).

3. Признать желательным пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов.

4. Считать желательным признание пополненного временного польского правительства союзными правительствами.

5. Признать желательным, чтобы временное польское правительство, пополненное указанным в п. 3 способом, в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления Польши.

6. Поручить В. М. Молотову, г-ну Гарриману и г-ну Керру обсудить вопрос о пополнении временного польского правительства совместно с представителями временного польского правительства и представить свои предложения на рассмотрение трех правительств».

Рузвельт, казалось, был обрадован. Он заявил, что мы делаем определенные успехи, но он хотел бы обсудить этот вопрос со Стеттиниусом. «Мне не нравится слово “эмигрантские”, — заявил он в заключение. — Я не знаю никого из этих людей, кроме Миколайчика, но я думаю, что нам нужно установить связи не только с “эмигрантами”. Мы могли бы также найти кое-кого в самой Польше».

Сталин согласился отложить обсуждение, но я вмешался, и последующий обмен мнениями можно считать многозначительным в свете дальнейших событий.

Я сказал, что мне, как и президенту, не нравится слово «эмигрантские». Под этим словом первоначально подразумевалась французская аристократия, изгнанная из страны после французской революции, и в своем подлинном значении это слово применялось только к тем, кто был изгнан из своей страны собственным народом. Однако заграничные поляки были изгнаны из страны немцами, и я предложил, чтобы слово «эмигрантские» было заменено выражением «поляки за границей». Сталин согласился. Что касается реки Нейсе, упомянутой во втором пункте предложения Молотова, то я напомнил моим слушателям, что в предыдущих переговорах я всегда делал оговорку к предложению о передвижении польской границы на запад, указывая, что поляки должны иметь право занять территорию на западе, но не большую, чем они хотят или чем они в состоянии освоить. Было бы очень прискорбно, если бы мы так обкормили польского гуся немецкой пищей, что он умер бы от несварения желудка. Мне известно, что в Англии есть значительные круги общественности, которых просто шокирует мысль о насильственном переселении миллионов людей. При разделении греческого и турецкого населения после прошлой войны был достигнут большой успех, и эти страны с тех пор находятся в добрых отношениях; однако в этом случае пришлось переселить менее двух миллионов человек. Если Польша возьмет Восточную Пруссию и Силезию до Одера, уже это будет означать переселение в Германию шести миллионов немцев. Быть может, это и осуществимо, но остается моральный вопрос, который мне придется урегулировать с моим собственным народом.

Сталин заметил, что в этих районах нет немцев, так как они все убежали.

Я возразил, сказав, что возникает вопрос — хватит ли для них места в том, что осталось от Германии. Шесть или семь миллионов немцев убиты, и еще миллион (Сталин считал, что два миллиона) немцев будет, вероятно, убито до конца войны. Поэтому до известной степени для переселенцев должно хватить места. Они понадобятся для заполнения пустоты. Я не боюсь проблемы переселения при условии, что оно соизмеримо с возможностями поляков и с числом людей, которых может принять Германия. Однако этот вопрос требует изучения — не с точки зрения принципа, но с точки зрения числа людей, которых придется переселить.

При этом общем обсуждении мы не прибегали к картам, и различие между Восточной и Западной Нейсе не было отмечено столь ясно, как следовало бы. Впрочем, это должно было стать ясным довольно скоро.

* * *

Когда мы собрались снова 8 февраля, Рузвельт прочел свои новые предложения, основанные на проекте Молотова. «Нет никаких возражений, — сказал он, — против советского предложения, чтобы восточная граница Польши проходила по линии Керзона с изменениями в пользу Польши в некоторых районах на 5—8 километров». Таким образом, имелся по крайней мере один вопрос, по которому мы могли все согласиться. И хотя я призывал русских сделать ряд небольших уступок, казалось желательным не умножать наших затруднений, которые и так были достаточно серьезны. Однако президент твердо и конкретно высказался насчет границы на западе. Он согласился, что Польша должна получить компенсацию за счет Германии, «включая часть Восточной Пруссии к югу от линии Кенигсберга, Верхнюю Силезию и район до линии Одера; однако, — продолжал он, — *представляется мало оснований для расширения этого района до Западной Нейсе*»*. Такова всегда была моя точка зрения, и пять месяцев спустя, когда мы встретились снова в Потсдаме, я отстаивал ее очень упорно.

Оставался вопрос о формировании польского правительства, которое могли бы признать мы все и которое принял бы польский народ. Рузвельт предложил, чтобы президентский комитет из трех польских деятелей, которые поехали бы в Москву, создал временное правительство из представителей Варшавы, Лондона и самой Польши и провел возможно скорее свободные выборы.

После краткого перерыва Молотов высказал свои возражения. Люблинское правительство, сказал он, возглавляет сейчас польский народ. Большинство народа восторженно приветствовало это правительство, которое пользуется большим авторитетом и престижем. О лондонских деятелях этого нельзя сказать. Если бы мы попытались создать новое правительство, сказал Молотов, сами поляки могли бы не согласиться, и поэтому лучше попробовать расширить существующее правительство. Это был бы только временный орган, потому что все наши предложения преследуют лишь одну цель, а именно — скорейшее проведение в Польше свободных выборов. Вопрос о методах расширения существующего правительства лучше всего обсудить в Москве американскому и английскому послам и ему самому. Он сказал, что он весьма желает соглашения, и принял предложение президента пригласить двух из пяти человек, упомянутых в его письме от 6 февраля. Не исключена возможность, сказал он,

* Курсив мой.

что люблинское правительство откажется вести переговоры с некоторыми из них, например с Миколайчиком. Однако, если люблинское правительство пошлет трех представителей, а два будут выбраны из числа лиц, предложенных Рузвельтом, переговоры могли бы начаться немедленно.

«А как насчет создания президентского комитета?» — спросил Рузвельт.

«Лучше отказаться от него, — ответил Молотов. — Это будет означать, что придется иметь дело с двумя органами вместо одного».

«Это, — сказал я, — решающий вопрос для нашей конференции. Весь мир ожидает решения, и, если к концу конференции мы все еще будем признавать разные правительства Польши, весь мир увидит, что между нами по-прежнему существуют серьезные разногласия. Последствия этого будут в высшей степени прискорбными, и они наложат на нашу встречу печать провала. С другой стороны, мы явно смотрим с разных точек зрения на основные факты положения в Польше или по крайней мере на некоторые из них. В соответствии со сведениями, которыми располагает Англия, люблинское правительство не нравится значительному большинству польского народа, и мы не можем считать, что за границей это правительство будет рассматриваться как представляющее народ. Если конференция отмахнется от существующего лондонского правительства и окажет полную поддержку люблинскому правительству, это вызовет возмущение во всем мире. Насколько можно предвидеть, поляки за границей фактически выразят единодушный протест. Под нашим командованием находится польская армия из 150 тысяч человек, где собраны все, кто смог объединиться за пределами Польши. Эта армия сражалась и сражается очень доблестно. Я не верю, что она вообще примирится с люблинским правительством. Если Англия лишит признания правительство, которое она признавала с начала войны, польская армия расценит это как предательство».

«Как хорошо известно маршалу Сталину и г-ну Молотову, — продолжал я, — лично я не соглашаюсь с действиями лондонского правительства, которое постоянно вело себя глупо. Однако если мы официально лишим признания тех, кого мы признавали до сих пор, и признаем это новое правительство, то мы подвергнемся самой серьезной критике. Мы не имеем доступа в эту страну. Мы не можем ни видеть, ни слышать, каковы там настроения. Будут говорить, что мы можем только полагаться на утверждения люблинского правительства о настроении польского народа. Дебаты, которые за этим последуют, будут в высшей степени неприятны и затруднительны для единства союзников, даже если предположить, что мы смогли бы согласиться на предложения моего друга г-на Молотова.

Я не думаю, — продолжал я, — что эти предложения идут достаточно далеко. Если мы отречемся от польского правительства в Лондоне,

то новое начало должно быть положено обеими сторонами на более или менее равных условиях. Все наши разногласия будут, конечно, устранены, если в Польше будут проведены свободные и беспрепятственные всеобщие выборы в условиях всеобщего избирательного права и свободы выдвижения кандидатов. Как только это произойдет, правительство Его Величества будет приветствовать созданное таким образом правительство, игнорируя польское правительство в Лондоне. Наибольшую тревогу вызывает у нас именно период до выборов».

Меня поддержал президент. Он сказал, что главная цель американцев — скорейшее проведение всеобщих выборов в Польше. Единственный вопрос заключается в том, какое управление Польша должна иметь до тех пор. Он выразил надежду, что выборы можно будет провести до конца года. Поэтому проблему следует считать ограниченной во времени.

Затем слово взял Сталин и коснулся моей жалобы на то, что у меня нет информации и нет способов получить ее.

«Я располагаю некоторыми сведениями», — ответил я.

«Они не согласуются с моими», — возразил Сталин. Затем он произнес речь, в которой заверил нас, что люблинское правительство действительно очень популярно. В особенности это касается Берута, Осубка-Моравского и генерала Жимерского. Они не покидали страну в период германской оккупации, жили все время в Варшаве и выдвинулись из рядов подпольщиков. Это произвело глубокое впечатление на поляков. Следует учитывать особое настроение людей, которые пережили германскую оккупацию. Они симпатизируют всем, кто не покинул страну в тяжелое время, и считают, что три названных им лица — как раз такие люди. Он сказал, что не думает, чтобы они были гениями. Вполне возможно, что в составе лондонского правительства есть более умные люди, но их не любят в Польше, потому что их не видели там в период, когда население страдало под гнетом гитлеровской оккупации. Возможно, что такое чувство примитивно, но оно, бесспорно, существует.

Для Польши, сказал он, освобождение страны советскими войсками было великим событием, и этот факт все изменил. Хорошо известно, что поляки не любили русских, потому что последние трижды участвовали в разделе Польши. Однако наступление советских войск и освобождение Польши целиком изменили настроение поляков. Старая вражда исчезла, уступив место доброжелательности и даже восторженному отношению к русским. Это вполне естественно. Население ликовало, видя бегство немцев и почувствовав себя свободным. По словам Сталина, у него создалось впечатление, что население Польши считает изгнание немцев великим патриотическим торжеством в жизни Польши и что оно удивлено тем, что лондонское правительство не приняло никакого участия в этом торжестве польской нации. Поляки видели на улицах членов временного правительства и спрашивали, где же лондонские поляки. Это подорвало

престиж лондонского правительства, и в этом причина большой популярности временного правительства, хотя оно и не состоит из великих людей.

Сталин считал, что нельзя игнорировать эти факты, если мы хотим понять настроение польского народа. Я говорил, что опасаясь окончания конференции без достижения соглашения.

Существует недовольство, продолжал Сталин, тем, что польское правительство не было избрано. Естественно, что было бы лучше иметь правительство, созданное на основе свободных выборов, но до сих пор этого не допускала война. Однако приближается день, когда можно будет провести выборы. До тех пор нам следует иметь дело с временным правительством, как мы имели, например, дело с правительством генерала де Голля во Франции, которое также не было избрано. Мне неизвестно, сказал Сталин, кто пользуется большим авторитетом — Берут или генерал де Голль. Однако заключить договор с генералом де Голлем оказалось возможным. Почему мы не можем также заключить договор с расширенным польским правительством, которое было бы не менее демократическим? Неразумно требовать от Польши большего, чем от Франции. До сих пор французское правительство не провело никаких реформ, которые вызвали бы восторг во Франции, тогда как польское правительство приняло закон о земельной реформе, который вызвал большой энтузиазм.

«Как скоро, — спросил президент, — можно будет провести выборы?»

«В пределах месяца, — ответил Сталин, — если не произойдет никакой катастрофы на фронте».

Я сказал, что это, конечно, должно нас успокоить и что мы сможем безоговорочно поддержать свободно избранное правительство, которое заменит все остальное, и мы не должны требовать ничего, что может сколько-нибудь помешать военным операциям. Это главная цель. Если, однако, волю польского народа можно будет выяснить в такой короткий срок или даже в течение двух месяцев, то положение целиком изменится и никто не сможет возражать.

После этого мы согласились предоставить нашим министрам иностранных дел обсудить этот вопрос.

* * *

В соответствии с этим решением три министра собрались в полдень 9 февраля. Они не смогли прийти к соглашению. Однако, когда конференция собралась на пленарное заседание в 4 часа дня, Молотов представил некоторые новые предложения, которые были значительно ближе к американскому проекту. Предлагалось, чтобы люблинское правительство было «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши, а также из числа

поляков, живущих за границей». Молотов должен был проконсультроваться в Москве с английским и американским послами о методах такой реорганизации. После реорганизации люблинское правительство будет обязано как можно скорее провести свободные выборы, и мы затем признаем любое правительство, которое будет создано в результате выборов. С небольшими поправками он принял американский план.

Это было значительным успехом, и я так и сказал.

Рузвельт заявил, что разногласия между нами и русскими теперь в основном касаются лишь формулировок. Но и он, и я беспокоились о том, чтобы выборы были действительно честными и свободными. Я сказал Сталину, что мы находимся в очень невыгодном положении, так как мы очень мало знаем об обстановке внутри Польши и все же должны принимать в высшей степени ответственные решения. Русские, американские и английские наблюдатели должны присутствовать при выборах, чтобы заверить весь мир, что все проделано честно. Совершенно невозможно, сказал я, преувеличить значение честного проведения выборов. Так, например, сможет ли Миколайчик вернуться в Польшу и организовать свою партию к выборам?

«Этот вопрос должны будут обсудить послы и Молотов, когда они встретятся с поляками», — сказал Сталин.

Я ответил: «Я должен иметь возможность сообщить палате общин, что выборы будут свободными и что будут даны эффективные гарантии их свободного и честного проведения».

Сталин указал, что Миколайчик принадлежит к крестьянской партии, которая, не будучи фашистской, может принять участие в выборах и выдвинуть своих кандидатов. Я сказал, что уверенность в этом возросла бы, если бы крестьянская партия была уже представлена в польском правительстве, и Сталин согласился, что в правительство должен быть включен один из ее представителей.

«Выборы, — сказал президент, — должны быть выше критики, как жена Цезаря. Я хочу, чтобы всему миру было дано какое-то заверение, и я не желаю, чтобы кто-либо имел возможность сомневаться в честности выборов. Это скорее вопрос правильной политики, чем принципа».

«Боюсь, — заявил Молотов, — что, если мы включим американскую формулировку, поляки будут считать, что им не доверяют. Этот вопрос нам лучше обсудить с ними вместе».

Я не удовлетворился этим и решил позднее поднять вопрос перед Сталиным. Такая возможность представилась на следующий день.

* * *

Как раз перед нашим последним плодотворным заседанием 10 февраля Иден и я имели конфиденциальную беседу со Сталиным и Молотовым в Юсуповском дворце, во время которой я снова разъяснил, какие

трудности у нас возникают в связи с тем, что мы не имеем в Польше представителей, которые могли бы информировать нас о происходящем. Речь шла либо о посольстве, либо о корреспондентах газеты. Мы согласились добавить следующую фразу к нашей декларации:

«Как следствие вышеуказанного, признание должно предусматривать обмен послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше».

Это было наибольшее, чего мне удалось добиться.

Когда конференция вновь собралась в 16 часов 45 минут, Иден зачитал заявление, по которому было достигнуто соглашение между тремя министрами иностранных дел. Я с беспокойством отметил, что в нем ничего не говорилось о границах, и сказал, что весь мир захочет знать, чем это вызвано. Мы все пришли к соглашению в принципе относительно западной границы, и единственный вопрос заключался в том, где точно должна проходить линия и что именно мы должны сказать об этом. Поляки должны получить часть Восточной Пруссии и иметь право, если они этого пожелают, дойти до линии Одера, однако у нас были очень серьезные сомнения насчет того, стоит ли идти дальше и говорить что-нибудь по этому вопросу на данном этапе. Я заявил на конференции, что мы получили телеграмму от военного кабинета и что он энергично возражает против каких бы то ни было упоминаний о границе, которая заходила бы настолько далеко на запад, что прошла бы по Западной Нейсе, ибо проблема перемещения населения оказалась бы слишком значительной, чтобы с ней можно было справиться.

Рузвельт заявил, что он предпочел бы услышать, что скажет об этом новое польское правительство национального единства, и предложил воздержаться от всяких упоминаний о западной границе.

«Мы, безусловно, должны упомянуть о восточной границе», — сказал Сталин.

Я поддержал его, хотя знал, что это вызовет много критических замечаний.

Что касается западной границы, то я сказал, что сперва следует выяснить желание нового польского правительства и что сама граница должна быть определена как часть мирного урегулирования. Коммюнике, опубликованное по окончании конференции, содержало совместную декларацию о Польше, которая гласила:

11 февраля 1945 года

Мы собрались на Крымскую конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу,

и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое временное польское правительство национального единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

«Новое положение создается в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно называться польским временным правительством национального единства.

В. М. Молотов, г-н В. А. Гарриман и сэр Арчибалд Кларк Керр уполномочиваются как комиссия проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего временного правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего правительства на указанных выше основах. Это польское временное правительство национального единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда польское временное правительство национального единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним временным правительством Польши, правительство Соединенного Королевства и правительство США установят дипломатические отношения с новым польским временным правительством национального единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы трех правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового польского правительства национального единства и что вслед за тем окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».